

Цинь Гэ жил в собственной однокомнатной квартире, которую купил, едва справляясь с ежемесячными выплатами по ипотеке. На машину он даже не рассчитывал, передвигался на общественном транспорте или на своём маленьком электросамокате.

Квартира была средних размеров, расположена где-то между четвёртым и пятым кольцом, как небрежно положенное яйцо между котлетой и булочкой в бургере.

Се Цзыцзин прибыл раньше, и, когда Цинь Гэ приблизился к воротам жилого комплекса, он заметил, что тот уже стоял у входа в охрану.

Несмотря на тяжёлый рюкзак за плечами, он даже не снял его, а просто прислонился к дереву, пристально глядя на перекрёсток неподалёку.

Цинь Гэ знал, что тот ждёт его.

... Но смотрел в неправильную сторону.

«Ноги длинные, — подумал Цинь Гэ. — Говорят, что от холода всё сжимается. Неужели он не уменьшился после нескольких лет в горах?»

Поскольку Се Цзыцзин оставался лишь временно, Цинь Гэ не стал давать ему ключ, а просто сообщил код от двери.

— 142857? — Се Цзыцзин не смог сдержать смешка. — Ты веришь в эту псевдонауку? Ты что, гуманитарий?

«Какое тебе дело? — подумал Цинь Гэ. — Почему ты смотришь свысока на гуманитариев?»

Он первым вошёл в дом, а Се Цзыцзин последовал за ним. Когда тот переступил порог, ладони Цинь Гэ внезапно стали влажными: он ощутил небывалое напряжение.

Эта квартира была куплена в прошлом году, и после ремонта в ней бывала только семья Цинь Шуаншуан. Друзей у него было мало, и даже Янь Хун, который несколько раз просился в гости, так и не получил приглашения. Коллеги тем более не приходили.

Дом — это очень личное пространство, хранящее множество секретов. Цинь Гэ всегда считал, что тот, кто получает приглашение и разрешение войти, должен быть особенным.

Ты позволяешь ему разделить с тобой самое сокровенное пространство и секреты. Это говорит о том, насколько вы близки.

... Так что тогда он действительно сошёл с ума.

Цинь Гэ всё больше раздражался.

Ему нравилось жить одному, и он почти забыл, как делить жилое пространство с кем-то ещё.

Се Цзыцзин стоял в гостиной, осматриваясь с любопытством. Маленькая квартира Цинь Гэ состояла из одной комнаты и гостиной, стена между которыми была снесена, что делало пространство более просторным. Спальня и гостиная разделялись раздвижной дверью, которая сейчас была полуоткрыта, позволяя видеть половину кровати и книжный шкаф, забитый книгами.

Гостиная выходила на балкон, где уже зажглись огни ночного города.

Дверь на балкон была плотно закрыта, и в комнате было тепло. Весенний ветер, то тёплый, то холодный, не мог проникнуть внутрь. Это было надёжное и уютное пространство.

В доме чувствовалось что-то мягкое, что принадлежало духовной сущности Цинь Гэ. Это было робкое и послушное существо, и в спокойном воздухе, казалось, оставались следы его присутствия. Се Цзыцзин протянул руку и слегка пошевелил пальцами, как будто пытаясь поймать что-то невидимое. Его движение нарушило покой, и те тихие, спящие частицы вдруг ожили, ласково обвивая его пальцы.

— Что ты ловишь? — с подозрением спросил Цинь Гэ.

Се Цзыцзин указал на диван:

— Можно сесть?

— Можно.

— А рюкзак можно поставить на пол?

— ... Можно. Только не прикидывайся жалким, ладно?

Се Цзыцзин рассмеялся:

— Ладно, ладно, ладно.

Но его поза оставалась напряжённой. Он аккуратно сел на диван, положив руки на колени, и его взгляд не отрывался от Цинь Гэ, который в это время кипятил воду в открытой кухне, чтобы

заварить чай, и в итоге поставил перед ним банку сока.

Цинь Гэ собирался объяснить Се Цзыцзину правила проживания в его доме, но потом подумал, что, в общем-то, и напоминать не о чем.

— Каждый день нужно принимать душ, и лучше соблюдать тот же режим, что и я. — Он принёс из спальни постельное бельё. — Ты будешь спать на диване. Этот диван можно разложить как кровать, и если поставить стул, ты сможешь вытянуть ноги.

Се Цзыцзин взял постельное бельё и подушку, заметив, что на наволочке был милый рисунок.

— Что это? — с любопытством спросил он. — Твоя духовная сущность?

— Сахарная сумчатая летяга, — ответил Цинь Гэ, направляясь за зубной щёткой и полотенцем.
— Это духовная сущность моего младшего брата. Всё это постельное бельё его.

— У тебя есть брат? — удивился Се Цзыцзин.

Цинь Гэ, держа полотенце и зубную щётку, наконец не выдержал:

— Ты же говорил, что мы встречались? Как мы тогда общались? Ты даже не знал, что у меня есть брат?

— Не знал, — с улыбкой ответил Се Цзыцзин. — Может, ты специально не рассказывал. Ведь тайно встречаться с плохим парнем за спиной семьи — это же так захватывающе, правда?

Цинь Гэ...

Се Цзыцзин слегка нахмурился, задумался, а затем уголки его губ поднялись в ухмылке, которая выглядела несколько похабно.

Цинь Гэ:

— ... О чём ты сейчас думаешь?!

— Сюжет развивается слишком быстро. В семнадцать-восемнадцать лет нужно быть немного сдержаннее. — Се Цзыцзин слегка кашлянул. — Давай я пересмотрю: сначала мы должны были кататься на мотоцикле, а потом сбежать вместе. В ту ночь лил дождь, и на заброшенной станции в пустом поезде я зажёл свечу, а потом мы с тобой под её светом...

— Что делали? — сквозь зубы спросил Цинь Гэ.

Се Цзыцзин с серьёзным видом ответил:

— Решали пробный вариант ЕГЭ. Математика была очень сложной, последняя задача вообще выходила за рамки программы.

Полотенце и зубная щётка полетели ему в лицо, но он быстро поймал их и, прикрыв лицо, засмеялся; затем смех стал неконтролируемым, он согнулся на диване, трясаясь от хохота.

— Иди в душ! — заорал Цинь Гэ.

Звук закрывающейся раздвижной двери был очень громким.

Се Цзыцзин, нахохотавшись вдоволь, лежал на диване, уставившись в потолочный светильник, и через некоторое время снова фыркнул. Для него злить Цинь Гэ было очень забавно.

Но всё, что он сказал, было лишь фантазией. Он действительно не мог вспомнить, как они с Цинь Гэ встречались.

Цинь Гэ подозревал, что Се Цзыцзин знал о его любовной иллюзии.

Среди тех, у кого есть любовные иллюзии, лишь немногие осознают это. Но обычно, как только человек понимает, что его чувства полностью рождены фантазией, он быстро приходит в себя и не погружается в них глубже.

Но Се Цзыцзин, похоже, с удовольствием играл роль бывшего парня, чтобы дразнить Цинь Гэ.

Однако Се Цзыцзин был отстранён от работы из-за проблем с его морем сознания. Если он ничего не знал о своей любовной иллюзии, то причина его отстранения, вероятно, была не в ней.

А в чём-то ещё более серьёзном, чем любовная иллюзия.

Цинь Гэ почувствовал головную боль. Одна проблема в море сознания — это уже сложно, а теперь, похоже, у Се Цзыцзина их как минимум две.

Он услышал, как в ванной зажурчала вода. Се Цзыцзин послушно пошёл мыться.

Цинь Гэ открыл блокнот и начал записывать, пытаясь разобраться в ситуации с Пэн Ху и Цай Миньюэ.

Если бы удалось доказать, что Цай Миньюэ совершала незаконные действия в операционной №

б, можно было бы начать расследование.

Но история болезни хранится только тридцать лет, и этот срок уже истёк. Теперь они не смогут найти эти записи.

Даже если что-то и сохранилось, больница не позволит им просмотреть документы без веской причины.

Большинство врачей и медсестёр, работавших с Цай Миньюэ, уже в преклонном возрасте: кто-то умер, а кого-то найти невозможно.

С больничной стороны расследование невозможно, а пациентов Цай Миньюэ тоже крайне сложно найти. Те, кого удалось найти, — это те, чьи дети успешно родились. А родители тех младенцев, которые умерли, давно исчезли. Особенно если это были родители, которые попросили Цай Миньюэ избавиться от ребёнка. Даже если их найти, правду узнать не удастся.

А операция на сердце Цай Миньюэ должна состояться через несколько дней. Это рискованная операция, и она может не пережить её.

Каждая возможность была исключена, оставалась только одна строчка.

«Проникнуть силой».

Цинь Гэ уже не узнавал эти четыре слова, когда дверь внезапно открылась, и Се Цзыцзин, одетый в длинные рукава и штаны, весь в пару, стоял на пороге:

— Твоя очередь.

Увидев, что Цинь Гэ сидит за столом, Се Цзыцзин без приглашения вошёл и подошёл к нему, заглянув в блокнот.

Цинь Гэ сначала почувствовал запах его геля для душа, а затем осознал, что расстояние между ними уже вышло за рамки социальной нормы. Он тут же прикрыл блокнот и сердито приказал:

— Выйди.

Но прежде чем он закончил фразу, Се Цзыцзин уже повернулся и направился к книжному шкафу.

Цинь Гэ просто хотел, чтобы тот поскорее ушёл из его спальни. Страж, у которого есть любовная иллюзия на тебя, только что вышел из душа, весь в пару, и вошёл в твою спальню —

это выглядит как начало криминального фильма или фильма для взрослых, где дальше либо убийство, либо постельная сцена.

<http://bllate.org/book/15560/1384459>